

включая и мою монографию,⁴ но отдельно данный вопрос еще не был рассмотрен. Для историка русской литературы эти связи Вяземского представляют, однако, некоторый интерес, так как в отношениях поэта и критика к «литературной старине» отражается восприятие творческого наследия XVIII в. в пушкинском поколении. Интерес П. А. Вяземского к русской литературе XVIII в. оставался живым вплоть до последних дней жизни: последняя его заметка, набросанная дрожащим уже почерком на смертном одре, относится именно к Державину и Хемницеру.⁵

Связи П. А. Вяземского с русской литературой и культурой XVIII в. многосторонни. Он выросал при жизни некоторых видных представителей русского классицизма и сентиментализма и поддерживал очень тесные и в некоторых случаях личные контакты с ними. В число таких связей входит и беглое знакомство с доживающим свой век Державиным, и очень близкая дружба с Карамзиным и Дмитриевым. Эти личные связи служили иногда поводом для публицистических и литературно-критических выступлений Вяземского, в числе которых можно упомянуть его некролог Державину (I, 15—21), но излюбленной для раннего Вяземского формой были предисловия к изданиям избранных сочинений других авторов. Эта «специальность» Вяземского неоднократно вышучивалась современниками. Так, например, Н. И. Надеждин его назвал «предисловщиком».⁶

В пору своей зрелости Вяземский из критика и «оценщика» русской литературы XVIII в. превратился в ее историка. В 1830 г. он написал первую монографию о русском писателе XVIII в., объемистую книгу о жизни и творчестве Д. И. Фонвизина.

Можно сказать, что Вяземский в течение всей своей жизни и творческой деятельности остался верен традициям XVIII в., был преемником его: больше всего это относится к аристократическому образу жизни и к характеру Вяземского. Идея *просвещения* очень важна для всего творчества Вяземского: именно в просвещении он видел самое важное и эффективное средство для исправления общественных и культурных недостатков России.

Верность Вяземского XVIII веку очевидна также в области литературных жанров и стилистических средств. Вяземский увлекался баснями И. Красицкого, апологами Дмитриева, высказывал пристрастие к колким эпиграммам вплоть до последних лет жизни. Не случайно Пушкин бросил многотолкуемое замечание о необхо-

⁴ G. Wytrzens, Pjotr Andreevič Vjazemskij. Studie zur russischen Literatur- und Kulturgeschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Wien, 1961, 333 стр. (Verlag «Noting der wissenschaftlichen Verbände Österreichs»).

⁵ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1886, стр. 295—296. Дальше это издание цитируется в тексте: римские цифры указывают том, арабские — страницы.

⁶ Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Изд. Киевск. гос. унив., Киев, 1957, стр. 342.